

Х археологическій съѣздъ.

Е. К. Рѣдина.

На Х археологическій съѣздъ въ Ригѣ, состоявшійся съ 1 по 15-е августа сего года, Императорскимъ Харьковскимъ университетомъ ¹⁾ были избраны депутатами профессора Д. И. Багалъй, В. П. Бузескулъ и Е. К. Рѣдинъ.

Предлагаемый ниже очеркъ дѣятельности Х археологическаго съѣзда, составленный Е. К. Рѣдинымъ, служить вмѣстѣ съ тѣмъ отчетомъ указанныхъ представителей университета по исполненію ими своихъ обязанностей, какъ депутатовъ и членовъ съѣзда.

Совѣтомъ съѣзда въ засѣданіи, состоявшемся 30 іюля и посвященномъ выборамъ должностныхъ лицъ съѣзда—проф. Д. И. Багалъй былъ избранъ предсѣдателемъ отдѣленія „археографическіе памятники“, а проф. В. П. Бузескулъ и Е. К. Рѣдинъ секретарями отдѣленій „памятники искусствъ и художествъ“ и „древности классическія, византійскія и западно-европейскія“, предсѣдателемъ которыхъ состоялъ проф. Императорскаго Новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковъ.

Въ четвергъ 1 августа въ 1 часъ дня большая средневѣковая зала зданія „Малой Гильдіи“ представила собою торжественное зрѣлище. Въ нее собрались представители различныхъ ученыхъ обществъ и учреждений Россіи и заграницы, а равно члены, съѣхавшіеся изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и мѣстные. Послѣ пѣнія „Днесъ благодать св. Духа нась собра“ на кафедрѣ взошелъ попечитель учебнаго округа и въ прочувствованной рѣчи привѣтствовалъ членовъ съѣзда, указавъ на важность мѣста съѣзда—Риги, какъ центра края, богатаго памятниками, восходящими къ сѣдой старинѣ, богатаго историческими воспоминаніями; указавъ на ту роль, которую игралъ въ исторіи этого края народъ, онъ въ заключеніе пожелалъ успѣха трудамъ съѣзда и объявилъ его открытымъ. Да-

¹⁾ Отъ Историко-филологическаго Общества Харьковскаго университета депутатомъ состоялъ Г. Ю. Ирмеръ.

лѣе сѣздъ въ теплыхъ выраженіяхъ привѣтствовали губернаторъ и городской голова. Послѣдній отмѣтилъ въ своемъ краткомъ, но содержательномъ привѣтствіи, что Рига, какъ городъ торговый, индустріальный, повидимому, мало имѣетъ отношенія къ археологіи, но въ дѣйствительности большое: своими многочисленными историческими памятниками. Въ слѣдующей затѣмъ рѣчи предсѣдательницы сѣзда графини П. С. Уваровой предъ слушателями была раскрыта исторія археологическихъ сѣздовъ въ Россіи, указано то значеніе для науки русской археологіи, которое имѣютъ ихъ труды; отмѣчены труды по подготовленію настоящаго сѣзда мѣстными учеными обществами, высказано пожеланіе къ разрѣшенію давно уже поднятыхъ, но всё еще остающихся открытыми вопросовъ—о преподаваніи археологіи въ университетахъ и о сохраненіи памятниковъ старины. Блестящая рѣчь предсѣдательницы сѣзда, въ которой были затронуты очень важныя, насущныя вопросы археологіи, сѣздовъ археологическихъ, и высказана справедливая оцѣнка трудовъ различныхъ дѣятелей области русской археологіи, искренній призывъ къ дружной, совмѣстной работѣ, вызвала несмолкаемый долго взрывъ аплодисментовъ.

Послѣ рѣчи Гросвальда, въ которой была изложена исторія составленія этнографической латышской выставки, указаны цѣли ея, были прочитаны привѣтственные телеграммы и послѣ выслушанія національнаго гимна всѣ члены отправились осматривать въ залѣ „Большой Гильдіи“ археологическую выставку, замѣчательную и важную по многочисленнымъ памятникамъ различныхъ временъ мѣстной старины; размѣщеніе ихъ, группировка, объяснительный каталогъ—образцовые.

Съ археологической выставки члены отправились на этнографическую латышскую выставку, открытіе которой и послѣдовало въ тотъ же день. Выставка эта производила самое отрадное впечатлѣніе; удивляешься труду, любви, съ которыми она устроена. Она въ высшей степени поучительна, такъ какъ касается всѣхъ сторонъ жизни латыша. Не имѣя возможности даже бѣгло описать выставку, укажемъ на отдѣлы ея, изъ перечисленія которыхъ можно видѣть, какъ она богата и поучительна: 1) страна (литература, карты, виды, природа); 2) исторія (литература, карты, планы, портреты историческихъ лицъ, документы, собранія законовъ, хроника и др.); 3) антропология и статистика (литература, фотографическіе снимки, рисунки, живопись, группы изъ фигуръ, діаграммы); 4) языкъ; 5) древнія духовныя проявленія латышскаго народа; 6) литература; 7) школа и образованіе; 8) общества; 9) музыка и пѣніе; 10) искусство живописи; 11) драматическое искусство; 12) костюмы; 13) постройки.

Каждый отдѣлъ былъ представленъ весьма богато. Весьма любопытны избы лотышей, ихъ обстановка, типы лотышей въ прекрасно исполненныхъ фигурахъ—за различнаго рода работой и т. д. ¹⁾.

Засѣданія съѣзда, какъ уже сказано, происходили въ зданіи „Малой Гильдіи“, правда не древнемъ, но обновленномъ въ стилѣ древняго готическаго замка. Обширная зала верхняго этажа этого замка, освѣщаемая громадными цвѣтными окнами, съ изображеніями представителей различныхъ гильдій и благодѣтелей, нѣсколько мрачна, но сурова и величественна. Рѣчи, раздававшіяся въ этой залѣ о сѣдой, глубокой старинѣ, вполне отвѣчали обстановкѣ.

2-го августа 1-е засѣданіе, утреннее, было посвящено общимъ вопросамъ и происходило подъ почетнымъ предсѣдательствомъ профессора Р. Вирхова.

1-й рефератъ былъ прочитанъ проф. *Θ. И. Успенскимъ*, извѣстнымъ специалистомъ въ области исторіи Византіи и состоящимъ нынѣ директоромъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Онъ былъ посвященъ исторіи возникновенія этого Института и тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ достигъ въ ученой своей дѣятельности за первый годъ своего существованія. Результаты эти оказываются весьма значительны и дѣятельность института, не смотря на его скудные средства и незначительный составъ его работниковъ, весьма плодотворна. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мѣсто, избранное для института—самое удачное; оно—центръ тѣхъ мѣстностей, которыя еще мало изучены, изслѣдованы и почва которыхъ обѣщаетъ богатую жатву для науки археологіи вообще, а византійской—и тѣсно съ ней связанной русской—въ частности. Кромѣ участія въ ученыхъ собраніяхъ, члены института предпринимали ученые экскурсіи—въ Анатолію (Трапезунтъ, гдѣ открыта пещерная церковь съ фресками XIII—XIV в.), на Аѳонъ, по берегамъ Малой Азіи, въ Болгарію; открыто, списано множество различныхъ памятниковъ, особенно въ монастыряхъ, ихъ библіотекахъ. Въ заключеніе почтенный профессоръ просилъ съѣздъ помочь новому ученому учрежденію „русской колоніи“ на Востокѣ—присылкой дѣятелей, трудами по изслѣдованію открытыхъ памятниковъ. Постороннія силы изъ метрополии уже и помогли „колоніи“ нѣкоторыми своими трудами; съ однимъ изъ нихъ съѣздъ познакомился въ засѣданіи другой секціи, о чемъ скажемъ далѣе.

• ¹⁾ Въ засѣданіи Историко-филологическаго общества, 18 февраля 1897 г., Г. Ю. Ирмеромъ былъ сдѣланъ весьма обстоятельный докладъ объ этой лотышской выставкѣ.

Рефератъ проф. *Гаусмана*, прочитанный на нѣмецкомъ языкѣ, былъ посвященъ обзору развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее 50-лѣтіе.

Въ 3 часа состоялось второе засѣданіе по отдѣленію древностей классическихъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ профессора Кіевской духовной академіи, много порабатывшаго по устройству, описанію церковно-археологическаго музея при указанной академіи, *Н. И. Петрова*.

Проф. *Э. Р. фонъ-Штернъ* прочелъ рефератъ „О поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи“¹⁾. Вопросъ объ этихъ поддѣлкахъ— не есть предметъ празднаго любопытства. Онъ является важнымъ и своевременнымъ въ виду того обстоятельства, что въ послѣднее время фальсификація античныхъ вещей достигла широкихъ размѣровъ, фальшивыя вещи стали настолько искусно поддѣлываться, что нуженъ слишкомъ опытный глазъ, чтобы отличить ихъ отъ настоящихъ; въ заблужденіе вводятся люди серьезные, ученые знатоки искусства, вещи приобрѣтаются въ музеи; естественно, что это можетъ принести большой вредъ наукѣ. Поэтому опытъ людей, имѣвшихъ возможность изучить приемы фальсификаторовъ, особенности фальшивыхъ вещей, весьма важенъ, интересенъ для всѣхъ, занимающихся искусствомъ, для собирателей древностей и хранителей музеевъ. Въ этомъ отношеніи и представляется весьма интереснымъ докладъ проф. фонъ-Штерна, чрезъ руки котораго, какъ директора музея Одесскаго общества исторіи и древностей, прошло много фальшивыхъ вещей, предлагавшихся для покупки. Въ докладѣ онъ подробно останавливается на различныхъ группахъ вещей фальшивыхъ и указываетъ на признаки, по которымъ ихъ можно отличить отъ настоящихъ. Фальшивые сосуды изъ глины отличаются тяжелымъ вѣсомъ, блѣднымъ цвѣтомъ лака, неправильными контурами фигурныхъ изображеній на нихъ. Отличіе среди терракотъ поддѣльныхъ отъ оригинальныхъ—труднѣе, особенно имѣющихъ форму человѣческаго или звѣринаго тѣла. Одинъ изъ обычныхъ приемовъ фальсификаторовъ разбиваніе фальшивыхъ глиняныхъ статуетокъ на мелкіе куски, потомъ склеиваніе ихъ; этимъ уменьшается и вѣсъ, и придается древность.

Для болѣе легкаго отличія фальшивыхъ, поддѣльныхъ вещей отъ настоящихъ, для приобрѣтенія навыка къ этому отличію полезно выдѣлять въ музеяхъ первыя въ особые шкафы. Поддѣлка надписей особенно увеличилась со времени появленія въ свѣтъ извѣстныхъ сборниковъ над-

¹⁾ Рефератъ этотъ уже напечатанъ въ Ж. М. Н. П. 1896 г., № 12. Тому-же вопросу посвящена вышедшая почти одновременно статья *А. Бертье-Делагарда*, „Поддѣлка греческихъ древностей на югѣ Россіи“. Одесса. 1896.

писей академика Латышева, а искусство поддѣльвателей развилось со времени участія въ ихъ трудѣ болѣе или менѣе опытнаго эпиграфиста.

Болѣе распространена фальсификація античныхъ золотыхъ вещей, какъ предметовъ и удобныхъ для перевоза за границу, и болѣе цѣнныхъ и выгодныхъ для сбыта. Съ восьмидесятыхъ годовъ она особенно усиливается, дойдя въ послѣднее время до грандіозныхъ размѣровъ. Мнимое общее происхожденіе большинства этихъ вещей—Ольвія; сбытчики ихъ—братья Гохманы въ Очаковѣ; весьма часто повторяющійся приемъ: повтореніе одной и той же вещи въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Извѣстныя референту болѣе замѣчательныя фальшивыя вещи: двѣ короны, изъ которыхъ одна приобрѣтена г. Суручаномъ (съ безграмотной надписью); три пары золотыхъ сандалій, двѣ маски съ надписями (изъ нихъ нѣкоторыя, какъ видно изъ письма Курціуса, попали въ Краковъ, во Франкфуртъ на Майнѣ); одна изъ указанныхъ паръ сандалій была передѣлана въ Одессѣ въ пресловутую корону царя Сайтаферна, красующуюся нынѣ въ витринахъ Луврскаго музея; г. референтъ вполне присоединяется къ мнѣнію ученыхъ, считающихъ ее фальшивой (Фуртвенглеръ); референтомъ были приведены и другіе примѣры фальшивыхъ золотыхъ вещей и указанъ научный источникъ фальсификатора ихъ. Въ заключеніе референтъ предложилъ съѣзду — постановить выработать циркулярное сообщеніе о поддѣлкахъ на главныхъ европейскихъ языкахъ для распространенія его во всѣхъ спеціальныхъ органахъ и общихъ журналахъ и газетахъ.

„Основаніе Археологическаго Института въ Константинополѣ является однимъ изъ выдающихся успѣховъ русской науки. За очень короткое время своего существованія Институту удалось уже открыть большое количество совершенно неизвѣстныхъ памятниковъ древности, которые должны быть по достоинству оценены и войти въ кругъ извѣстнаго уже матеріала, чтобы сослужить свою службу наукъ“. Такъ начинается рефератъ проф. Казанскаго университета *Д. В. Айдалова*, посвященный двумъ замѣчательнымъ памятникамъ, открытымъ Институтомъ и надлежащимъ образомъ объясненнымъ и описаннымъ имъ. Оба памятника — христіанскіе саркофаги. Одинъ найденъ въ турецкой деревнѣ Теккели Кіой (на с. отъ Никоидіи); на немъ начерчено изображеніе корабля съ распущенными парусами, но безъ людей; поверхъ мачты маленькій крестикъ, а по сторонамъ надпись, не поддающаяся прочтенію. Судя по формамъ корабля, часто встрѣчающагося на другихъ христіанскихъ памятникахъ, по формамъ креста, саркофагъ времени позже 326 года. Другой саркофагъ найденъ въ самомъ Константинополѣ, въ Псаматіи; онъ сохранился не весь, а лишь одна сторона (боковая); кромѣ его, по

сторонамъ его вставленныя въ стѣнку зданія — два византійскихъ рельефа. На саркофагѣ въ трехъ нишахъ, образованныхъ прекрасными витыми колонками — замѣчательной работы три фигуры, выполненныхъ высокимъ рельефомъ: Христа юнаго въ нимбѣ и двухъ учениковъ (евангелистовъ); это памятникъ V-го вѣка; два же рельефа съ изображеніемъ Богородицы Оранты и Архангела Михаила — времени послѣ паденія Византійской имперіи.

Указанные открытые памятники, какъ и отмѣчаетъ референтъ, являются весьма замѣчательными въ виду того, что христіанскихъ памятниковъ, особенно скульптурныхъ, на востокъ пока извѣстно мало; изученіе же ихъ весьма важно для исторіи христіанскаго искусства, для рѣшенія вопроса о его началахъ.

Въ замѣчаніяхъ, предложенныхъ послѣ прочтенія реферата проф. Н. В. Покровскимъ, отмѣчено, что фигуры по сторонамъ Христа не тождественны (одна возмужалая), что они Апостолы и что византійскіе рельефы не поздней эпохи, а XII—XIII в.

3 Августа — утреннее засѣданіе было посвящено *прибалтійскимъ древностямъ*.

Баронъ *Бруйнинъ* далъ обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ прибалтійскомъ краѣ и указалъ на высокое нравственное значеніе, вытекающее изъ децентрализаціи научной работы въ прибалтійскомъ краѣ: она, распространяя повсюду любовь къ наукѣ, вызываетъ и питаетъ идеализмъ, который всегда составляетъ лучшее побужденіе ко всякому труду. Пасторъ *А. Билеништейнъ* прочелъ докладъ о древнелотышскихъ городищахъ, а пасторъ *Гуртъ* о своей коллекціи эстонскихъ народныхъ преданій. Эта коллекція — образецъ того, что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ, проникнутый любовью къ народу, желаніемъ понять его жизнь, его вѣрованія. Въ коллекцію Гурта, состоящую изъ 136 томовъ, входятъ около 45 тыс. пословицъ, около 37 тыс. народныхъ загадокъ и т. д.; собранные матеріалы составляютъ обширный и цѣнный источникъ для изученія эстонскаго народа; они знакомятъ съ внутренней жизнью народа, съ его стремленіями и идеями, съ его радостью и печалью, съ его вѣрой и надеждой.

Во второмъ засѣданіи по отдѣленію „памятники археографическіе“, председателемъ котораго состоялъ проф. *Д. И. Багалъ*, проф. *А. П. Филипповъ* остановился подробно въ своемъ рефератѣ на тѣхъ богатыхъ матеріалахъ для исторіи прибалтійскаго края, которые находятся въ русскихъ центральныхъ архивахъ, а проф. *Бѣляшевскій* познакомилъ съ нѣкоторыми историческими матеріалами, касающимися Лифляндіи и заключающимися въ себѣ данныя географическо-статистическаго и соціально-

экономического характера: съ Инфлянтской ревизіей 1599 г. и съ инвентаремъ ливонскихъ замковъ XVI в.

Въ третьемъ вечернемъ засѣданіи значительный интересъ вызвалъ рефератъ *Д. И. Багалъя* „О магдебургскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи“. На основаніи обширнаго матеріала, извлеченнаго главнымъ образомъ изъ Харьковскаго историческаго архива, а также Московскихъ хранилищъ и частныхъ собраній, авторъ представилъ: 1) характеристику магдебургскаго права въ лѣвобережной Малороссіи въ польскій періодъ ея исторіи (до половины XVII вѣка), 2) внѣшнюю судьбу его послѣ присоединенія Малороссіи (съ пол. XVII до конца XVIII в.), 3) внутреннюю организацію городского самоуправления, 4) исторію этого самоуправления и городского хозяйства, 5) и наконецъ характеристику цеховыхъ братствъ, тѣсно связанныхъ съ магдебургіей. Рефератъ представлялъ изъ себя предварительное сообщеніе изъ обширнаго изслѣдованія, приготовляемаго авторомъ къ выпуску въ свѣтъ.

Проф. *А. И. Маркевичъ* познакомилъ съ судьбой русскаго города Риги, основаннаго въ 1658 г. на перевалѣ между рр. Дономъ и Волгою донскими казаками и раззореннаго въ 1660 г., по приказанію Московскаго правительства, какъ разбойничье гдѣздо.

4 Августа состоялась поѣздка въ Митаву, гдѣ членами съѣзда были осмотрѣны достопримѣчательности города.

5 Августа въ утреннемъ засѣданіи проф. *Пѣтуховъ* прочелъ докладъ „О слѣдахъ непосредственнаго вліянія нѣмецкой литературы на древнерусскую“. Указавъ на вліянія греческой литературы, южно-славянскихъ и польской на русскую до Петровской эпохи и опредѣливъ, въ краткихъ чертахъ, размѣры и характеръ каждаго изъ этихъ вліяній, проф. Пѣтуховъ перешелъ къ постановкѣ вопроса о непосредственномъ вліяніи на древнерусскую письменность нѣмецкой литературы, т. е. о переводахъ до конца XVII в. съ нѣмецкаго языка на русскій. Докладчикомъ были указаны переводы книгъ св. писанія, „Двоелюбіе живота и смерти“, энциклопедическихъ сборниковъ, лѣчебниковъ, календарей, математическихъ книгъ, „потѣшныхъ листовъ“.

Проф. *Мочульскій* познакомилъ съ апокрифическимъ житіемъ ап. Петра, открытымъ имъ въ сербскомъ сборникѣ XVI в. библіотеки Загребской Академіи, весьма интересномъ по своему содержанію, съ оригинальной вставкой о продажѣ Петромъ Христа Кораविсту.

Во второмъ засѣданіи, происходившемъ въ тотъ же день, посвященномъ отдѣленію „памятники искусства“, проф. *Мищенко* прочелъ докладъ „Извѣстія Геродота о внѣ-скиѣскихъ земляхъ Россіи“. Сдѣлавъ общую характеристику Геродота, какъ историка и этнографа, проф. Ми-

щенко подробно остановился на его извѣстіяхъ о Россіи; въ заключеніи имъ было указано, что на обязанности русскихъ ученыхъ лежитъ изученіе Геродота, отца русской исторіи, какъ этнографа и археолога ¹⁾.

Императорскій русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, исполняя свои задачи изученія памятниковъ на востокъ и въ Славянскихъ земляхъ, извѣстныхъ или почти неизвѣстныхъ въ ученой литературѣ, предпринялъ научную экспедицію въ Болгарію. Въ ней приняли участіе О. И. Успенскій, посѣтившій среднюю и южную Болгарію, и П. Д. Погодинъ, посѣтившій сѣверную Болгарію: отъ Софіи до Врацы и отъ Врацы до Тырнова на югъ въ Филиппополь. На своемъ пути г. Погодинъ останавливался въ различныхъ мѣстахъ, сохранившихъ остатки какихъ нибудь древнихъ памятниковъ. Имъ были посѣщены многіе древніе храмы, монастыри, осмотрѣны ризницы, пещерные храмы, курганы, записаны народныя преданія, списаны греческія надписи, отмѣчены встрѣченныя въ церквахъ росписи. Свои наблюденія и описанія г. Погодинъ представилъ въ дневникѣ—отчетѣ объ этой научной экскурсіи.

По просьбѣ и порученію О. И. Успенскаго, проф. *Е. К. Рѣдинъ* на основаніи этого отчета познакомилъ съ результатами экскурсіи, отмѣтивъ лишь наиболѣе выдающіеся памятники и наиболѣе интересныя въ какомъ нибудь отношеніи мѣста, посѣщенныя г. Погодинымъ. Прежде чѣмъ говорить о результатахъ экскурсіи, *Е. К. Рѣдинъ* повторилъ то, на что уже указывалъ О. И. въ своей рѣчи въ первомъ засѣданіи и о чемъ отчасти упоминаетъ П. Д. Погодинъ въ своемъ дневникѣ: „памятники, истрѣченные участниками экскурсіи въ значительной части — поздніе, но они любопытны въ томъ отношеніи, что знакомятъ съ произведеніями національными болгарскими; они показываютъ, что духовная жизнь Болгаръ, на сколько она отражается въ памятникахъ искусства, не заглохла и въ тяжелую эпоху турецкаго владычества, ига надъ ними. По своимъ связямъ, зависимости отъ византійскаго искусства, въ той или иной степени—въ различныя эпохи—болгарскіе памятники представляютъ глубокий интересъ для науки русской археологіи, одну изъ задачъ которой въ будущемъ составитъ—привлечь русскіе памятники искусства въ сравненіе съ болгарскими, и установить, какъ проявлялось на тѣхъ и другіе византійское вліяніе, какъ проявлялся въ подражательныхъ памятникахъ національный характеръ; быть можетъ, тогда возможно будетъ устано-

¹⁾ Подробный перечень положеній реферата, а равно замѣтку (по поводу реферата—проф. В. К. Мильберга, сдѣланнаго 9 августа) о различіи терминовъ „царскіе“ и „скифскіе“ курганы см. у самого профессора О. Мищенко въ его „Краткомъ отчетѣ о командировкѣ на X Археологическій съѣздъ въ Ригѣ“ (*Учен. Зап. Казанск. Унив.*, № 12, 1896, стр. 19—21).

вить какія нибудь связи и между болгарскими и русскими памятниками. Научныя экскурсіи Константинопольскаго института—въ частности та, о которой идетъ рѣчь, тѣмъ особенно и важна, что она уже подготавливаетъ матеріалы для такого ряда работъ и изслѣдованій. Нужно только пожелать, чтобы богатый матеріалъ, который институтъ собираетъ, былъ изданъ и сдѣлался достояніемъ русской археологической науки; для большаго привлеченія силъ къ изслѣдованію ихъ—было бы желательно распространеніе фотографій, снятыхъ институтомъ съ памятниковъ, по крайней мѣрѣ, среди русскихъ университетовъ, имѣющихъ спеціальныя библіотеки при Музеяхъ Изыщныхъ Искусствъ и Древностей, и среди археологическихъ обществъ“.

Изъ отмѣченныхъ Е. К. Рѣдинымъ памятниковъ, какъ наиболѣе интересныхъ, укажемъ здѣсь лишь: 1) на любопытные отрывки болгарскаго Евангелія (5 листовъ), встрѣченные г. Погодинымъ во Вратцѣ у перваго собирателя болгарской старины г. Ѳеодора Дмитріева; подъ славянскимъ текстомъ этихъ листовъ виденъ второй текстъ, греческій (X—XI в.); 2) на рукопись свѣтскаго содержанія, встрѣченную также во Вратцѣ и напоминающую по содержанію скиескую исторію Лызлова; 3) на евангеліе, находящееся въ ризницѣ собора во Вратцѣ. Оно относится къ 1612 г. Украшено четырьмя миниатюрами—Евангелистовъ и замѣчательнымъ серебрянымъ окладомъ, позолоченнымъ, на которомъ въ барельефахъ рядъ любопытныхъ изображеній, въ композиціяхъ, повторяющихъ византійскія, но въ исполненіи мѣстномъ, довольно грубомъ, съ уродливыми фигурами. Выборъ сюжетовъ, лицъ, представленныхъ на окладѣ, если и обыченъ на подобнаго рода окладахъ, во всякомъ случаѣ рекомендуетъ мастера; на передней сторонѣ онъ помѣстилъ Благовѣщеніе, „начало Евангелія“, Воздвигненіе животворящаго креста (и церковь которому принадлежитъ Евангеліе—посвящена именно этому празднику), вокругъ пророковъ; на задней—Распятіе Христа и Воскресеніе (подъ видомъ сошествія его въ адъ; любопытна фигура ада); вокругъ апостоловъ, евангелистовъ и святителей. Всѣ изображенія сопровождаются надписями, которыя можетъ быть заслуживаютъ вниманія славистовъ. Любопытна надпись самого мастера на окладѣ съ датой, чѣмъ увеличивается цѣнность даннаго памятника; 4) на греческія надписи: а) встрѣченную въ Филиппополѣ, находящуюся на сѣромъ простомъ камнѣ, въ видѣ громаднхъ, но небрежно вѣзанныхъ буквъ; это межевой знакъ, указывающій на предѣлы филы Ираклійской (II в. по Р. X.); б) найденную въ Ньюкюбѣ (Тырновѣ), на алтарѣ изъ сѣраго мѣстнаго камня (буквы высоты 6 и 5 сантим.) и относящуюся къ 197 г., къ тому времени, когда Септимій Северъ отправлялся на Востокъ; въ особенности интересно въ

ней имя проконсула—*Овинія Тертилла*, того самого, который упоминается въ надписяхъ, найденныхъ въ южной Россіи (село Порошное).

6 Августа было два засѣданія. Первое—подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Д. И. Иловайскаго было посвящено церковнымъ древностямъ.

Проф. А. И. Кирпичниковъ, давно уже занимающійся памятниками искусства въ связи съ литературными, по скольку послѣдніе оказываютъ свое воздѣйствіе на первые, прочиталъ весьма интересный рефератъ: „Старофранцузскія сказанія о Рождествѣ Христовомъ и ихъ отраженія въ искусствѣ“. Въ XII—XIII ст. въ эпоху полного развитія рыцарской поэзіи во Франціи (началъ свой рефератъ проф. Кирпичниковъ) между прочимъ облекалась въ сильно фантастическія краски и исторія земной жизни, преимущественно исторія рожденія Богоматери и Спасителя, при чемъ поэты повиновались толчку, данному имъ древними апокрифическими евангеліями“. Таковъ романъ о св. Фануэлѣ. Изложивъ содержаніе романа и указавъ источники его, референтъ указалъ на нѣкоторые памятники искусства, въ которыхъ отразилось вліяніе его, именно эпизодъ объ участіи въ Рождествѣ Христова Анастасіи, явившейся на смѣну апокрифической Саломеи. Кромѣ этого, референтомъ были приведены другія легенды, имѣющія отношеніе къ Рождеству Христову: чудеса, эпизоды при бѣгствѣ въ Египетъ, избіеніи младенцевъ; отмѣчено, какъ сильно въ этихъ легендахъ проявлялась разнузданная фантазія. Такіе продукты фантазіи, закончилъ проф. А. И. Кирпичниковъ, свойственны только католическому западу, и именно въ концѣ среднихъ вѣковъ ихъ несдержанность, между прочимъ, немало способствовала возникновенію и успѣху протестантизма.

Проф. Н. И. Петровъ прочелъ рефератъ „Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуни черезъ Ригу въ Зарайскъ, въ 1224—25 г.“ Изложивъ содержаніе сказанія, подробно разобравъ историческіе факты, переданные въ немъ, референтъ пришелъ къ заключенію, что образа не было ни въ Херсонесѣ Таврическомъ, ни въ Зарайскѣ; что же касается иконы, то она дѣйствительно могла быть корсунской ¹⁾, т. е. писанной въ византійскомъ стилѣ.

М. П. Истомина въ своемъ рефератѣ коснулся живописи въ Кіево-печерской лаврѣ и, на основаніи различныхъ соображеній, пришелъ къ тому выводу, что эта живопись явилась подъ сильнымъ западнымъ вліяніемъ. вѣроятно, въ XVII в.

¹⁾ См. новую теорію о корсунскомъ стилѣ, какъ самостоятельномъ, въ трудѣ проф. Н. П. Кондакова „Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода“. С.Петербургъ. 1896 г., I, 33 и сл.

Второе засѣданіе было посвящено прибалтійскимъ древностямъ.

Докторъ *Гремплеръ* прочелъ рефератъ „О средневѣковыхъ бронзахъ, примѣнительно къ чашѣ, найденной въ Цэддесѣ“. Референтъ разсказалъ сначала о нѣкоторыхъ находкахъ бронзовыхъ чашъ, совершенныхъ въ 1842 г., относимыхъ имъ къ XI—XII вѣку. Назначеніе ихъ, по его мнѣнію, не литургическое; мѣсто происхожденія ихъ неизвѣстно.

Рефератъ проф. *А. Беиценберга* былъ посвященъ уясненію слова „Гуды“: оно не означаетъ Гоговъ, а указываетъ на музыкальную способность „Гуддовъ“.

Весьма интересный рефератъ д-ра *Билеништейна* трактовалъ о деревянномъ вѣкѣ Лотышей.

7 Августа въ утреннемъ засѣданіи, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ проф. В. Б. Антоновича, посвященномъ отдѣленію первобытныхъ древностей, прочитано было нѣсколько весьма интересныхъ рефератовъ.

Такъ проф. *Кащенко* сдѣлалъ интересный рефератъ по вопросу объ одновременномъ существованіи мамонта и человѣка. До послѣдняго времени были находимы остатки мамонта въ различныхъ мѣстахъ Россіи и западной Европы, но не было находимо такихъ признаковъ, которые указывали бы на одновременное существованіе человѣка.

Референтъ разсказалъ о томъ открытіи, которое было сдѣлано на берегу рѣки Томи (въ Сибири), гдѣ при обвалѣ, на глубинѣ 3½ метровъ, на площадкѣ въ 8 метровъ длины и 4 ширины, въ разрозненномъ видѣ найдены почти всѣ кости полнаго скелета мамонта. Подробное изслѣдованіе этихъ костей, а равно нахожденіе въ мѣстѣ открытія ихъ слоя древеснаго угля привело проф. Кащенко къ заключенію, что одновременное существованіе мамонта и человѣка можно считать безспорнымъ фактомъ и что первый несомнѣнно служилъ въ пищу послѣднему.

Докторъ *Гремплеръ* (изъ Бреславля), въ своемъ рефератѣ, указавъ на обычай сохраненія въ доисторическихъ сосудахъ сожженного праха покойниковъ и на обычай украшенія этихъ сосудовъ рисунками съ изображеніемъ домашней утвари, животныхъ, людей, остановился подробно на найденномъ имъ сосудѣ, на которомъ изображена, встрѣчающаяся здѣсь впервые, сцена охоты на оленя.

Слѣдующій рефератъ генералъ-лейтенанта *Н. Е. Бранденбурга* „О могилахъ Кіевской губ. съ остовами человѣка и лошадей“ посвященъ былъ вопросу весьма важному, но остающемуся все еще открытымъ въ исторической наукѣ, какому племени принадлежатъ могилы извѣстнаго типа съ опредѣленными предметами (въ дубовомъ гробѣ покойникъ, убитая лошадь въ могилѣ; оружіе: колчаны, сѣдла, узорчатая матерія и др.). По мнѣнію докладчика, основывающагося на предметахъ, находи-

мыхъ въ могилахъ, племя это—кочевое, воинственное, имѣющее довольно высокую культуру. Сопоставляя эти наблюденія съ извѣстными русской лѣтописи и Константина Порфиророднаго, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что это племя—Печенѣги.

Въ возраженіи по поводу заключенія референта, сдѣланномъ проф. Антоновичемъ и отчасти проф. Д. И. Багалѣемъ, отмѣчалось, что всѣ тѣ черты, которыя на основаніи историческихъ данныхъ приписаны Печенѣгамъ, въ той же степени вѣроятности и даже большей можно приписать Полянамъ, а слѣдовательно отнести разбираемый типъ погребенія именно имъ.

Другіе оппоненты предлагали отнести ихъ къ Половцамъ (г. Спицынъ), Ясамъ (проф. Соболевскій), Аланамъ (проф. Ю. Кулаковскій), Чернымъ Клобукамъ (Д. И. Иловайскій) и др.

Во второмъ засѣданіи (древности историко-географическія и этнографическія) весьма интересный рефератъ, возбудившій пренія, былъ прочитанъ проф. А. А. Кочубинскимъ о „Территоріи доисторической Литвы“. Путемъ сопоставленія созвучныхъ географическихъ именъ съ нѣкоторыми словами литовскаго языка, г. референтъ опредѣлялъ границы территоріи, населенной въ прежніе вѣка литовскимъ племенемъ. По его мнѣнію, территорія доисторической Литвы приблизительноми границами своими, съ юга имѣла бы сѣверный бассейнъ Привети, а съ востока—бассейнъ Березины.

Н. Ф. Бяляшевскій въ своемъ докладѣ познакомилъ съ содержаніемъ интереснаго дневника князя А. Полубинскаго (найденнаго въ архивѣ Скарба Короннаго), въ которомъ приводятся интересныя подробности военныхъ дѣйствій московскаго войска въ Ливоніи и передаются, между прочимъ, рѣчи Іоанна Грознаго.

Вечернее засѣданіе было посвящено отдѣленію памятниковъ искусствъ и художествъ.

Академикъ В. В. Сусловъ въ обширномъ рефератѣ познакомилъ съ реставраціей Новгородскаго Софіевскаго собора, произведенной подъ его руководствомъ, и съ тѣми открытіями, которыя были сдѣланы въ это время въ этомъ замѣчательномъ, древнѣйшемъ памятникѣ (XI в.) русскаго церковнаго зодчества. По удаленіи позднѣйшихъ ремонтовъ была обнаружена крайняя ветхость храма: арки оказались въ глубокихъ трещинахъ, зачиненныхъ деревянными клиньями, своды провисли и имѣли сквозныя щели, задѣланныя деревомъ и т. д. вмѣстѣ съ этимъ были обнаружены всѣ видоизмѣненія храма, произведенныя реставраціями. Необходимо было измѣненнымъ формамъ придать ихъ прежній видъ. Открыты были древнія фресковыя изображенія, какъ въ куполѣ (ангелы,

пророки), такъ и въ другихъ частяхъ храма. Сдѣланныя открытія вполнѣ разсѣяли гадательныя свѣдѣнія о храмѣ, они являются крупною новостью въ исторіи нашего зодчества; самъ памятникъ, по прекрасному выраженію г. референта, въ нѣмкихъ стѣнахъ открылъ свою многовѣковую жизнь и нынѣ долженъ войти свѣтлой страницей въ исторію русскаго зодчества.

Объясненія реферата иллюстрировались множествомъ архитектурныхъ рисунковъ, плановъ, коній въ краскахъ въ оригинальную величину открытыхъ древнихъ фресокъ и т. п. Рефератъ В. В. Суслова былъ выдающимся во многихъ отношеніяхъ; имъ для него было положено много труда: всѣ стѣны залы были увѣшаны различнаго рода рисунками его работы, дающими богатый матеріалъ и для исторіи русскаго зодчества, и для исторіи русской живописи.

П. И. Троицкій прочелъ рефератъ о „вліяніи космологіи на иконографію византійскаго купола“. Въ немъ онъ отмѣчаетъ, что византійскій куполъ храма представляетъ подобіе видимаго неба: переносъ представление о небѣ на куполъ, византійскій художникъ стоялъ на почвѣ библейской и въ зависимости отъ космологіи съ ея ученіемъ о небѣ, его силахъ, стихіяхъ и вѣтрахъ.

Прот. о. Д. С. Паевскій познакомилъ въ своемъ рефератѣ съ исторіей города Каменецъ-Литовска и его древними памятниками.

8 августа не было засѣданія, такъ какъ члены съѣзда совершили поѣздку въ Трейденъ на расконки.

9 августа въ утреннемъ засѣданіи *С. А. Блюкурова* прочелъ рефератъ, посвященный вопросу о библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI в., о которой такъ много было спору въ нашей литературѣ въ послѣднее время и для поисковъ которой совершались и будутъ продолжаться расконки въ Кремлѣ. Разобравъ различныя свидѣтельства объ этой библіотекѣ, референтъ пришелъ къ тому заключенію, что у царя Ивана IV была библіотека, состоявшая главнымъ образомъ изъ русскихъ, литовскихъ и польскихъ книгъ и рукописей и одной нѣмецкой печатной книги (Травника); въ этой библіотекѣ могло быть и нѣсколько греческихъ рукописей, но 600 греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ рукописей въ ней не было.

Различныя положенія докладчика оспаривались; высказывались доводы за существованіе библіотеки и при томъ именно съ греческими и др. рукописями (проф. Соболевскій, проф. Иконниковъ и др.).

Проф. *Θ. И. Успенскій* въ своемъ интересномъ докладѣ сообщилъ наблюденія надъ замѣчательнымъ греческимъ спискомъ Евангелія, приобретеннымъ при посредствѣ археологическаго института въ Константи-

нополѣ, по желанію Государи Императора, для Императорской публичной библіотеки ¹⁾. Пергаментные листы рукописи окрашены въ фіолетовую пурпурную краску, на которой текстъ писанъ серебромъ, а слова, заключающія имя Бога, золотомъ.

Въ европейскихъ библіотекахъ извѣстно лишь нѣсколько отдѣльныхъ пурпурныхъ листовъ какого то кодекса, названнаго извѣстнымъ ученымъ Тишендорфомъ N. Теперь оказывается, что этотъ кодексъ N и есть именно приобрѣтенный Россіей, благодаря вниманію Института. Приобрѣтенная рукопись, представляя величайшую рѣдкость, имѣетъ большое научное значеніе (относится къ V—VI вѣку, даетъ новыя разночтенія евангельскаго текста и т. п.), и слѣдуетъ весьма желать, какъ заключилъ свое сообщеніе проф. Успенскій, чтобы соотвѣтственно этому было сдѣлано и достойное изданіе этой рукописи въ свѣтъ для пользованія всему ученому міру.

Во второмъ засѣданіи (отдѣленія памятники искусствъ) проф. В. К. Маммбергъ прочиталъ докладъ „О времени и мѣстѣ происхожденія греческихъ и грековарварскихъ издѣлій, найденныхъ въ южной Россіи“. Онъ обратилъ главное вниманіе на двѣ группы вещей: 1) на предметы украшеній изъ благородныхъ металловъ и 2) на предметы гончарнаго искусства—расписныя вазы. Лучшіе образцы той и другой группы уже давно считаются въ наукѣ привозными. Въ спорномъ вопросѣ, слѣдуетъ ли эти предметы считать аттическими или малоазійскими, проф. Маммбергъ относительно издѣлій изъ благородныхъ металловъ (IV вѣка) склоняется ко второму мнѣнію, утверждая при томъ, что рядомъ съ привозными вещами бывають находимы вещи, сдѣланныя греческими мастерами въ предѣлахъ Россіи и чисто мѣстныя. Лучшія расписныя вазы (VI—IV в.) вывезены изъ Аттики.

Въ заключеніе референтъ указалъ, что для точнаго опредѣленія культуры древнихъ народовъ юга Россіи необходимо, кромѣ памятниковъ искусства, привлечь литературныя, эпиграфическія и др. свидѣтельства.

Проф. А. А. Павловскій въ своемъ рефератѣ „О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ“, ознакомилъ съѣздъ съ результатами экскурсій Института въ Накею и Болгарскую Софію. Въ этихъ экскурсіяхъ Институтъ считалъ нужнымъ фотографировать всѣ памятники, какъ византійскаго, такъ и классическаго искусства, казавшіяся экскурсіи важными и интересными. Въ Никее,

¹⁾ Докладъ напечатанъ уже въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь“, Одесса, 1876, I, 138—172.

гдѣ до сихъ поръ не было произведено никакихъ надлежащихъ изслѣдованій, экскурсія нашла крупные остатки городскихъ стѣнъ и почти вполне сохранившіяся городскія ворота прекрасной работы римской эпохи. Около воротъ въ стѣнѣ были вдѣланы рельефы, изображенія которыхъ, впрочемъ, за размѣрами фотографій разобрать трудно; можно только различить, что сюжетомъ ихъ являются военные и охотничьи сцены; на одномъ въ раковинообразной нишѣ стоитъ фигура въ панцырѣ (воинъ или трофей) и по сторонамъ этой ниши за колонками, ее отдѣляющими, фигуры Викторій. Случайныя находки, сдѣланныя при выкопкѣ фундамента мѣстныхъ казармъ и въ настоящее время помѣщенные въ этихъ самыхъ казармахъ, дали цѣлую массу фрагментовъ статуарныхъ и декоративныхъ скульптуръ, указывающихъ, что правильныя раскопки въ Никее принесли бы богатые результаты. Въ этомъ собраніи можно видѣть на фотографіи фрагментъ сидящей статуи въ тюрбанѣ и стилѣ, очень близкомъ ватиканской статуѣ Менаандра, торсъ одѣтой женской фигуры, нѣсколько головъ портретныхъ и идеальныхъ, много фрагментовъ съ рельефами и орнаментами, наконецъ два надгробія въ обычномъ типѣ надгробій римской эпохи; одно изъ нихъ имѣетъ длинную посвятельную надпись съ именемъ изображеннаго и поставившихъ надгробіе. Наибольшій интересъ изъ найденныхъ здѣсь фрагментовъ представляютъ три, принадлежавшихъ, очевидно, одной композиціи. Эта композиція указываетъ на сюжетъ сцены: Пріамъ выпрашиваетъ у Ахилла тѣло Гектора; стиль изображеній обличаетъ работу римскаго времени.

Въ Софіи, въ музеѣ, экскурсіей былъ сфотографированъ замѣчательный фрагментъ стелы (надгробнаго памятника) VI или начала V вѣка до Р. Х. Рельефъ стелы и по сюжету, и по композиціи близокъ къ извѣстной стелѣ орхоменской работы Александра, конца VI ст. до Р. Х. ¹⁾ Остается загадочнымъ фактъ нахожденія такого замѣчательнаго архаическаго памятника въ Болгаріи. Другой фрагментъ—статуи Діониса уже римской эпохи.

Свой рефератъ проф. Павловскій закончилъ пожеланіемъ такихъ же успѣховъ Русскому Археологическому Институту, какихъ достигъ онъ за полуторагодовой срокъ своей работы на мѣстѣ. Референтъ далѣе высказалъ то же желаніе, что и проф. Рѣдинъ (по исводу доклада Пого-

¹⁾ Разборъ стиля памятника, уясненіе значенія его среди другихъ современныхъ были подробно представлены въ докладѣ проф. Павловскаго. Въ настоящее время памятникъ уже изданъ въ *Jahrbuch d. Archäol. Instit.* XI (1896). 136—138, при замѣткѣ „Grabstelle des Alexandros“, но неудовлетворительно и потому важно было бы новое изданіе его съ текстомъ г. референта.

дина): чтобы институтъ посылалъ фотографіи съ найденныхъ памятниковъ въ музеи университетовъ въ полной увѣренности, что представители кафедръ исторіи искусствъ примутъ этотъ подарокъ института съ благодарностью и охотно пойдутъ на помощь по приготовленію къ обнародованію и изслѣдованію найденныхъ Институтомъ памятниковъ.

О. В. Вульфъ въ рефератъ „Древности Никоидіи“ познакомилъ съ результатами археологической экскурсіи, предпринятой Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ, въ которой онъ принималъ участіе. Экскурсіей встрѣчено было много архитектурныхъ памятниковъ, надписей, скульптурныхъ фрагментовъ.

Въ вечернемъ засѣданіи (по отдѣленію „Бытъ домашній“ и др.) былъ прочитанъ весьма интересный и важный во многихъ отношеніяхъ рефератъ г-жею А. Я. Ефименко „Архаическія формы землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ“¹⁾.

„Есть предметъ, говоритъ А. Я. Ефименко, который до сихъ поръ не обращалъ на себя никакого вниманія археологической науки, но который, тѣмъ не менѣе, заслуживаетъ его въ полной мѣрѣ: это слѣды, которыми древній земледѣлецъ начерталъ на поверхности земли первые загадки своей бытовой исторіи и передалъ эти, такъ сказать, архаическіе „рѣзы“ своимъ потомкамъ, свято ихъ хранящимъ, въ видѣ полевыхъ клиновъ, столбовъ, полосъ и т. п. Конечно, и экономическія науки и фольклоръ могутъ вѣдать и вѣдаютъ этотъ предметъ; но съ извѣстной точки зрѣнія никто не имѣетъ на него столько правъ, какъ именно археологія“. Археологія должна привлекать въ область своихъ изслѣдованій и первобытное землевладѣніе; она можетъ изслѣдовать его по нѣкоторымъ еще сохранившимся слѣдамъ. Весьма важную попытку основательныхъ научныхъ обобщеній относительно архаическихъ формъ землевладѣнія представляетъ новый трудъ проф. Мейцена. Основное положеніе его то, что *Gewapndorf* („клиновая деревня“) есть исконная и исключительная принадлежность германскаго племени въ противоположность славянскимъ формамъ землевладѣнія, каковы: міръ (община), задруга или же хуторъ. По мнѣнію г-жи А. Я. Ефименко, такое положеніе односторонне и не соответствуетъ русской дѣйствительности: изъ нашихъ актовъ XVII в. видно, напримѣръ, существованіе сѣвернорусской деревни, состоявшей изъ небольшого числа дворовъ, владѣвшихъ землей въ патріархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее, но съ соблюденіемъ на

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ „Вѣст. Евр.“ 1896 г., № 12, стр. 858—866 (Замѣтка Археологическія формы землевладѣнія.)

долгое время числа первоначальных паевъ или участковъ: такимъ образомъ эта деревня въ сущности та же Gewandorf. Далѣе, указавши на значеніе деревенской общины во всей Европѣ, какъ основной формы общественной и государственной жизни, и задавшись вопросомъ—община ли была исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній европейскаго міра, или же частная земельная собственность, г-жа Ефименко доказывала ту мысль, что вопросъ о первобытномъ и послѣдующемъ землевладѣніи долженъ быть изслѣдуемъ многосторонне, на фактической почвѣ и строго научнымъ образомъ, что разныя формы землевладѣнія не могутъ быть рѣзко противуположаемы: лучше рассматривать ихъ въ органической и исторической связи; въ частности наши формы землевладѣнія всё вмѣстѣ и каждая порознь не должны противуполагаться германской формѣ сельскаго хозяйства, называемой Gewandorf.

Проф. *О. И. Успенскій*, занимавшійся специально вопросомъ о землевладѣніи (въ Византіи), отмѣтилъ важность реферата г-жи Ефименко, какъ затрогивающаго и ставящаго на новомъ основаніи важный вопросъ о древнемъ землевладѣніи, и выразилъ пожеланіе, чтобы онъ почаще обсуждался на сѣздахъ.

Рефератъ проф. *М. А. Дьяконова* касался любопытнаго типа служилыхъ крестьянъ—„монастырскихъ дѣтенышей“ въ Московскомъ государствѣ, въ XVI—XVII вв. Главная работа этихъ „дѣтенышей“ была на монастырскихъ земляхъ; но они несли и другія работы—бывали пегарями, мукомолами, конюхами, пастухами и т. п.

10 августа въ утреннемъ засѣданіи проф. *Р. Вирховъ* прочиталъ докладъ „О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи“.

Докладъ—обширный, интересный, касавшійся различныхъ областей науки, читавшійся болѣе часа, вызвалъ большое вниманіе у членовъ сѣзда и мѣстной интеллигенціи. Главнѣйшее положеніе его то, что обитатели прибалтійскаго края принадлежали къ финскому племени.

Проф. *Гаусманъ* подробно остановился на различныхъ типахъ ливонскихъ могильниковъ, вещахъ ихъ сопровождающихъ, принадлежащихъ эпохѣ послѣ Р. Хр., первыхъ столѣтій и IX—XII ст.

К. Меттинъ посвятилъ свой рефератъ опредѣленію времени происхожденія бронзовыхъ вещей, найденныхъ въ ливонскихъ могильникахъ.

Во второмъ засѣданіи проф. *В. Б. Антоновичъ* познакомилъ съ памятниками каменнаго вѣка, найденными въ Кіевѣ въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, а проф. *Д. Н. Анучинъ* сдѣлалъ сообщеніе „о христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи“. Оказывается, что въ могилахъ X—XII в. въ средней Россіи были

находимы довольно часто не только кресты, но и образки. Если нѣкоторые кресты представляют собою просто украшенія, въ которыхъ крестъ играетъ роль одного изъ мотивовъ орнамента, то относительно другихъ крестовъ и образковъ не можетъ подлежать сомнѣнiю, что они христіанскаго происхожденiя и вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, составляетъ-ли присутствiе ихъ въ могилахъ доказательство христіанства погребенныхъ, или же, что эти христіанскіе символы носились часто и язычниками, какъ украшенія или амулеты, безъ сознанiя ихъ настоящаго значенiя. Проф. Анучинъ держится послѣдняго мнѣнiя; онъ привелъ нѣсколько этнографическихъ данныхъ, способныхъ служить параллелями къ указаннымъ археологическимъ фактамъ и указалъ, что этнографiя является важнѣйшей помощницей археологiи въ дѣлѣ положительнаго разъясненiя подробностей народнаго быта.

Въ третьемъ засѣданiи проф. *А. С. Будиловичъ* въ своемъ весьма интересномъ рефератѣ „о задачахъ славянорусской археологiи по отношенiю къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи“ указалъ на необходимость изученiя русской археологiи на всемъ пространствѣ расселенiя русскаго племени, хотя бы и за предѣлами русскаго государства, при томъ изучать не изолированно отъ археологiи прочихъ славянскихъ народовъ, а сравнительно съ нею, обращая вниманiе и на другіе смежныя народы греко-славянскаго культурнаго міра, на второмъ же планѣ и на народы другихъ культурныхъ системъ. Остановившись подробно на главныхъ особенностяхъ Венгріи въ отношенiяхъ географическомъ, этнографическомъ и культурно-историческомъ, какъ страны издревле славянской или грекославянской, отчасти и русской, проф. Будиловичъ обратилъ вниманiе на важность для науки славянорусскихъ древностей тѣхъ этнографическихъ и культурно-историческихъ вопросовъ, рѣшенiе которыхъ обусловлено археологическимъ изслѣдованiемъ Венгріи. Но этого изслѣдованiя нельзя ожидать отъ мадьярскихъ археологовъ, а между тѣмъ вещественные и бытовые памятники угрославянской старины вслѣдствiе пренебреженiя къ нимъ мадьярскаго правительства и общества оскудѣваютъ. Поэтому проф. Будиловичъ просилъ съѣздъ. выразить желанiе, чтобы русскіи археологическіе учрежденiя и общества, включивъ угрославянскую археологiю въ рамку своихъ изслѣдованiй, — снарядили археологическую экспедицію въ Венгрію.

Проф. *И. П. Филевичъ* въ рефератѣ своемъ указалъ на общее значенiе географической номенклатуры, какъ главнаго показателя этнологическаго характера страны и отмѣтилъ недостатки научной обработки этого матеріала, происходящей отъ того, что карта до сихъ поръ изучалась лишь какъ пособіе, а не какъ источникъ. По мнѣнiю референта,

слѣдуетъ собрать матеріалъ для полнаго номенклатурнаго словаря исконны русскіхъ земель въ предѣлахъ Россіи, а для изученія номенклатуры запредѣльной Руси слѣдуетъ снаряжать туда ученые экспедиціи.

Въ вечернемъ засѣданіи, посвященномъ церковнымъ древностямъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ проф. *Н. О. Красносельцова*, было прочитано нѣсколько интересныхъ рефератовъ.

Проф. *Н. О. Красносельцевъ* въ началѣ засѣданія обратилъ вниманіе собранія на богатѣйшія собранія памятниковъ древне-русскаго искусства, находящіяся въ Ригѣ и далъ слово проф. *Н. В. Покровскому*, который познакомилъ болѣе подробно съ богатствами указанныхъ собраній—музея при духовномъ училищѣ, единовѣрческой церкви и модельни. Главный интересъ этихъ собраній въ иконахъ, древность которыхъ восходитъ къ XVI в., Московскаго, Строгановскаго и даже Новгородскаго письма; на этихъ иконахъ замѣчательныя изображенія и по сложности композиціи, и по оригинальности сюжетовъ (Христофоръ, херувимская пѣснь и др.); имѣются также и рукописи XIV—XVII вв., и рѣдкія печатныя книги. Словомъ въ этихъ собраніяхъ встрѣчены такіе памятники и въ такомъ количествѣ, какъ и трудно было бы ожидать и предполагать. Но собранія эти пока почти не извѣстны.

Проф. *А. П. Голубцовъ* познакомилъ въ своемъ рефератѣ съ началомъ, первыми дѣятелями и направленіемъ иконописной школы Троицкой Лавры.

Проф. *Е. К. Рудинъ* въ рефератѣ „мозаики равеннскихъ церквей“ остановился подробно на извѣстныхъ въ литературѣ сочиненіяхъ, касающихся этихъ мозаикъ, раздѣливъ ихъ на двѣ группы въ отношеніи предлагаемыхъ въ нихъ теорій о происхожденіи мозаикъ и отмѣтилъ историческіе факты, подтверждающіе стилистическій и иконографическій анализъ, приводящій къ заключенію о византійскомъ происхожденіи равеннскихъ мозаикъ.

Какъ на весьма яркій примѣръ встрѣчи одного и того-же стиля въ западныхъ памятникахъ и восточныхъ и вмѣстѣ какъ на фактъ, лишній разъ подтверждающій восточно-византійское происхожденіе равеннскихъ мозаикъ, референтъ указалъ на мозаику (V—VI в.), открытую *Я. И. Смирновымъ* на о-вѣ Кипрѣ, въ церкви *Παναγία Αγγελόκτιστος* (или *Καταναρχά*). Мозаика эта, какъ намъ извѣстно, будетъ издана въ „Византійскомъ Временникѣ“ г. Смирновымъ. Ограниченность средствъ и отсутствіе удобствъ не позволили *Я. И. Смирнову*, благодаря энергіи и трудамъ котораго она станетъ впервые извѣстна въ русской археологической литературѣ, снять ее въ большихъ размѣрахъ и надлежащимъ образомъ. Нельзя не пожелать, чтобы Археологическій Институтъ въ

*

Константинополь принялъ на себя трудъ снятія съ мозаики большой фотографіи и хорошей копіи, достойной самого памятника.

Н. Г. Добрымкинъ въ своемъ докладѣ остановился на иконахъ съ изображеніемъ великомученика Никиты и уяснилъ нѣкоторыя детали данныхъ литературныхъ произведеній.

Иконографіи Никиты былъ посвященъ и другой обширный докладъ *И. Д. Четверкина*.

Древность металлическихъ крестовъ съ изображеніемъ Никиты восходитъ къ 14 столѣтію. Никита изображается то воиномъ, поражающимъ дьявола, то на крестѣ вмѣсто Христа или рядомъ съ нимъ; на обратной сторонѣ образковъ Никиты встрѣчаются змѣевники. Докладчикъ, указавъ на связь изображеній Никиты съ сказаніями о немъ, полагаетъ, что металлические кресты и образки съ св. Никитой употреблялись у насъ, какъ оберегатели отъ болѣзней и золь.

11 августа въ утреннемъ засѣданіи проф. *Θ. И. Успенскій* прочелъ докладъ „Археологическіе памятники города Никеи“. Познакомивъ въ общихъ чертахъ съ мелкими памятниками, докладчикъ, чтобы показать значеніе никейскихъ древностей, остановился подробно на одномъ византійскомъ памятникѣ.

Никея—мѣсто перваго вселенскаго собора, и естественно является вопросъ, гдѣ происходили засѣданія этого собора? Въ Никеѣ есть мѣсто, называемое *Σύνοδος*. Это—площадь, заросшая травой; но что это не простая площадь, а развалины, доказываютъ остатки мраморной лѣстницы, находящіяся подъ поверхностью земли, слѣды четырехугольнаго зданія, остатки колонъ и проч. Но былъ ли *Σύνοδος* мѣстомъ засѣданій собора, установить невозможно. Другіе указываютъ на нынѣшнюю митрополичью церковь; что именно она была мѣстомъ засѣданій собора, на то есть нѣкоторыя указанія въ иконографіи (икона Бачкова монастыря въ Болгаріи). Особенно подробно остановился проф. Успенскій на надписи, находящейся на стѣнѣ между Стамбульскими и морскими воротами. Надпись эта уже была издана Тексье, но искажена въ передачѣ и неправильно объяснена; она не времени 912 г., какъ относилъ ее Тексье, а 726—739; она освѣщаетъ эпоху иконоборцевъ и сообщаетъ намъ новыя данныя. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на неудовлетворительное состояніе византиновѣдѣнія и на необходимость изученія византійскихъ памятниковъ не по книгамъ, а посредствомъ личнаго осмотра на мѣстѣ.

О. Θ. Вульфъ, пользуясь новооткрытой поэмой византійскаго писателя X в., Родія, и данными у Прокопія, представилъ опытъ реконструкціи храма свв. Апостоловъ въ Константинополѣ, замѣчательнаго

памятника византийскаго зодчества, построеннаго Юстиніаномъ; при этомъ онъ пользовался данными, почерпаемыми изъ наблюденій надъ предполагаемой копией—соборомъ св. Марка въ Венеціи ¹⁾.

А. И. Миловидовъ въ своемъ рефератѣ „Церковно-археологическія древности города Пинска“, согласно съ главнѣйшими эпохами церковно-исторической жизни приприпетскаго полѣся, раздѣлилъ эти древности по періодамъ на три отдѣла: до XVI в., XVII в. и XVIII в. До XVI в. Пинскъ былъ вполне православно-русскимъ городомъ; въ немъ было 16 православныхъ церквей, два монастыря. Западное вліяніе въ Пинскѣ начинается съ введенія уніи. Въ области церковнаго зодчества она отражается на искаженіи византийскаго стиля, а въ области живописи—въ подражаніи католическимъ образцамъ.

Въ письменныхъ памятникахъ XVII в. являются польскія надписи, изображенія католическихъ символовъ.

Въ XVIII в. Пинскъ становится городомъ католическо-уніатскимъ; исчезаютъ храмы византийскаго стиля, церковно-славянскіе и русскіе памятники.

Второе засѣданіе было посвящено прибалтійскимъ древностямъ.

А. фонъ-Ховенъ сообщилъ о находкахъ, сдѣланныхъ на городищѣ Пуннамэгги; *К. К. Бой* о курляндскихъ могильникахъ, относящихся къ двумъ періодамъ—первому желѣзному вѣку, отъ Р. X. до VIII ст. и второму желѣзному вѣку съ VIII по XIII и XIV в.

Д-ръ Гакманъ о бронзовомъ вѣкѣ Финляндіи, а докторъ *Конвенцъ* о живыхъ свидѣтеляхъ старины въ прибалтійскомъ краѣ (барти, тистъ).

12 августа въ первомъ засѣданіи *М. П. Истоминъ* прочелъ рефератъ объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. *Г. Лудмеръ* въ своемъ рефератѣ затронулъ вопросъ, который, помимо своего спеціального, имѣетъ и общественный интересъ, какъ это было уже отмѣчено другими; онъ говорилъ о слабости историческаго чувства въ русскомъ обществѣ и приводилъ ее въ связь съ замѣчаемой слабостью родового чувства: „мы относимся съ пренебреженіемъ къ своему фамильному прошлому, преданій рода не уважаемъ, семейной старины не цѣнимъ, и такого равнодушія къ своей собственной исторіи, какъ у насъ, нигдѣ нельзя встрѣтить на Западѣ; большинство врядъ ли знаетъ своихъ предковъ дальше дѣда, степень уваженія къ которымъ обыкновенно соразмѣряется съ тѣмъ состояніемъ, которое они оставили“.

Референтъ подробно перечислилъ русскія изданія XVIII и XIX вв., по предмету русской генеалогіи и, перейдя къ изданіямъ нѣмецкимъ

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ „Изв. Рус. Арх. Инст. въ Константинополѣ“, I, 35—78.

доказывалъ, что эти изданія много лучше русскихъ генеалогическихъ трудовъ, будучи составлены съ особой тщательностью, съ любовью къ славѣ предковъ и въ цѣляхъ воспитательныхъ для подрастающаго поколѣнія. Важныя замѣчанія были сдѣланы докладчику, въ которыхъ было отмѣчено и богатство русской генеалогической литературы, и значеніе ея для цѣлей научныхъ, и отличіе русскаго дворянства отъ западно-европейскаго.

Свящ. С. Е. Зотровъ указалъ на слѣды существованія христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ.

Изученіе сказаній нашей начальной лѣтописи имѣетъ уже вѣковую исторію. Ихъ разсматривали и какъ матеріалъ историческій, и какъ памятники народной поэзіи; при этомъ и подыскивались для нихъ параллели и источники въ западно-европейской поэзіи, отношенія къ предполагаемымъ византійскимъ образцамъ. Но тѣмъ не менѣе, по словамъ проф. А. И. Кирпичникова, сдѣлано далеко не все, даже действительно необходимое. Изложеніе нѣсколькихъ фактовъ и наблюденій въ этой интересной области и составило предметъ реферата проф. А. И. Кирпичникова „Къ литературной исторіи русскихъ лѣтописныхъ сказаній“.

Уже первое появленіе нашихъ предковъ и ихъ родословіе облекается въ причудливые образы, въ которыхъ самыя разнообразныя литературныя воспоминанія соединяются съ собственными домыслами книжниковъ позднѣйшаго московскаго періода (Поляне—отъ Полемона, Москвичи отъ Мосохова колѣна; предки Мосоха были подъ Троею подъ предводительствомъ Венета и др.); рассказываются удивительныя вещи о ихъ князьяхъ: Словенѣ, Волховѣ, богоугодникѣ и чародѣѣ; Жилотугѣ, Холохѣ, Лахернѣ, Діюмсѣ, Изборсеѣ, Гостомыслѣ.

Образцомъ фантастики то живой остроумной, то педагогически неясной, на тему о территоріи москвичей можетъ служить „Историческуюющее древнее описаніе Ненселира Кифича Рвовскаго о началѣ славяно-россійскаго народа и градовъ Москвы, Новгорода Великаго и протчихъ“. Далѣе проф. Кирпичниковъ переходитъ къ собственно сказаніямъ или сагамъ, болѣе или менѣе глубоко проникшимъ въ народъ: 1) о хожденіи ап. Андрея въ Кіевъ и Новгородъ, 2) о Кіевѣ, Щекѣ и Хоринѣ, 3) о призваніи князей, 4) о Рюрикѣ, 5) Олегѣ, 6) Ольгѣ и др., указываетъ ихъ источники, дѣлаетъ различныя сопоставленія и въ заключеніе выводитъ нѣсколько общихъ положеній: 1) пересказчики нашихъ лѣтописныхъ сагъ пользовались разнообразными литературными источниками и давали полную свободу своей фантазіи (которая работала, конечно, по общимъ законамъ эпическаго творчества), но при этомъ почти благоговѣйно относились къ тексту повѣсти временныхъ лѣтъ; 2) чрезвычайно

красивый въ своей простотѣ и безыскусственности разсказъ повѣсти они искажали тенденціозностью и малымъ уваженіемъ даже къ предполагаемой истинѣ и, не отличаясь изобрѣтательностью, неумѣстно удлиняли его дублетами сказаній той же повѣсти; 3) тѣмъ не менѣе и среди ихъ риторически пустословныхъ элаборатовъ можно найти круинки исторической истины, не говоря уже о томъ, что всѣ они составляютъ очень цѣнный историко-литературный матеріалъ, собраніе и уясненіе котораго болѣе чѣмъ желательно.

Во второмъ засѣданіи *В. И. Петръ* говорилъ въ своемъ рефератѣ объ армоническомъ складѣ праарійской пѣсни. Арійскіе народы сохраняютъ тѣ индивидуальныя черты, которыя были присущи арійскому племени. Исходя изъ этого положенія, референтъ ищетъ въ армоническомъ складѣ пѣсенъ арійскихъ народовъ праарійскія черты.

Весьма интересный рефератъ былъ прочитанъ молодымъ ученымъ, проф. С.-Петербургскаго университета *Б. А. Тураевымъ*: Къ вопросу о финикіянахъ на Балтійскомъ побережьи.

Къ числу наиболѣе темныхъ пунктовъ исторіи древняго міра, говоритъ онъ, слѣдуетъ причислить вопросъ о географическихъ рубежахъ непосредственныхъ морскихъ и торговыхъ сношеній финикіянь. Мы знаемъ, что въ сферу ихъ торговли входилъ весь тогдашній міръ и даже многія страны, лежавшія за предѣлами его, но какъ далеко простиралась ихъ прямая торговля, до какихъ пунктовъ доходили ихъ морскія экспедиціи—вотъ вопросы, на которые весьма трудно дать опредѣленные отвѣты.

На счетъ путешествій финикіянь въ Атлантическомъ океанѣ и въ сѣверныхъ моряхъ существуютъ только гипотезы.

Что касается Балтійскаго моря, то на основаніи различныхъ фактовъ, референтъ приходитъ къ тому заключенію, что участіе Кароагенянь въ торговлѣ янтаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣщеніе ими Балтійскаго побережья не можетъ считаться доказаннымъ; въ томъ же почти положеніи стоитъ вопросъ и относительно древнихъ финикіянь. Въ настоящее время микенскія находки и физико-химическія изслѣдованія Гельма (заканчиваетъ свой рефератъ проф. Тураевъ) доказали, что древнѣйшія греческія гробницы заключаютъ въ себѣ янтарь, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ балтійскаго. Какимъ путемъ доходилъ этотъ продуктъ къ финикіянамъ, продававшимъ его, между прочимъ, грекамъ, чрезъ По, Рону, или съ устья другой, болѣе сѣверной рѣки, шелъ-ли онъ сухимъ путемъ изъ Литвы и Польши, или получался непосредственно съ береговъ Нѣмецкаго моря, мы пока не имѣемъ возможности рѣшить; несомнѣнно только одно, что сѣверъ Европы уже въ это отдаленное

время, благодаря своимъ произведеніямъ, находился въ сношеніихъ съ культурнымъ міромъ.

Въ третьемъ засѣданіи отдѣленія „памятники археографическіе“ проф. Д. И. Багалъ былъ прочитанъ въ высшей степени интересный и важный рефератъ, вызвавшій сочувствіе съѣзда, выразителемъ котораго явилась граф. П. С. Уварова, пожелавшая, чтобы дѣло, о которомъ говорится въ рефератѣ, привлекло вниманіе и осуществилось на пользу русской археологіи. Рефератъ трактуетъ „о роли Харьковскаго Университета въ дѣлѣ изученія древностей въ эпоху Императора Александра I“.

„Молодая въ Россіи наука археологія, говоритъ проф. Д. И. Багалъ, въ настоящее время по праву можетъ гордиться достигнутыми ею результатами. Центральныя и мѣстныя учрежденія дружно работаютъ на пользу изученія родной старины. Начиная отъ Московскаго Археологическаго Общества и оканчивая губернскими архивными комиссіями, „этими свѣтлыми точками на нашемъ огромномъ провинціальномъ небосклонѣ“, всѣ они, по мѣрѣ силъ, вносятъ свою лепту въ это важное, сложное и многотрудное дѣло. Археологи пользуются для своихъ цѣлей крайне разнообразными источниками и различными вспомогательными знаніями. Но русская археологія доселѣ недостаточно эксплуатировала одинъ родъ матеріаловъ, который, однако, можетъ значительно способствовать успѣхамъ ея разработки—письменные памятники, археографическіе документы.... Никто до сихъ поръ, какъ кажется, не поставилъ вопроса о необходимости систематическаго извлеченія изъ нашихъ письменныхъ источниковъ всѣхъ прямыхъ данныхъ о вещественныхъ памятникахъ нашей старины“. Въ числѣ письменныхъ источниковъ проф. Д. И. Багалъ считаетъ важными для указанной цѣли—писцовыя книги московскихъ государей, другіе аналогичные историко-географическіе матеріалы, путешествія по Россіи XVIII и начала XIX вѣка, архивы нашихъ археологическихъ учрежденій, статистическихъ комитетовъ и т. п. По этимъ матеріаламъ можно составить исторію русской археологіи. А эта исторія русской археологіи, говоритъ проф. Д. И. Багалъ, необходима по различнымъ соображеніямъ. Безъ нея немислимо будетъ опредѣленіе пробѣловъ въ собранномъ уже археологическомъ матеріалѣ и слѣдовательно классификація послѣдняго.... Необходимо далѣе историческое изученіе успѣховъ русской археологіи и для опредѣленія достоинства и недостатковъ самихъ методовъ и приѣмовъ собиранія матеріала. Необходимо оно и въ нравственно-общественномъ отношеніи: для удовлетворенія чувства справедливости необходимо, чтобы оцѣнена была по достоинству безкорыстная дѣятельность крупныхъ видныхъ работниковъ

на этой нивѣ, не забыты были услуги и менѣе видныхъ дѣятелей, и наконецъ, масса безвѣстныхъ тружениковъ и собирателей — а имя имъ легіонъ — имѣла утѣшеніе видѣть, что ихъ скромныя усилія не пропали даромъ и что собранные ими матеріалы вошли въ научный обиходъ и въ массѣ своей сдѣлались основой, фундаментомъ для научныхъ выводовъ и обобщеній*.

Для иллюстраціи своего соображенія о необходимости историческихъ очерковъ мѣстныхъ изысканій, проф. Д. И. Багалѣй, пользуясь именно архивнымъ матеріаломъ, представилъ очеркъ того, что было сдѣлано Харьковскимъ Университетомъ въ царствованіе Императора Александра I для русской археологіи; онъ остановился при этомъ главнымъ образомъ на донесеніи профессора Рижскаго о древностяхъ Ольвіи, на отчетѣ о командировкѣ проф. Роммеля въ Славянскъ (Харьковской губ.) для изслѣдованія древняго камня и на описаніи Прилуцкихъ древностей (Полтавской губ.), доставленныхъ почетнымъ смотрителемъ уѣздныхъ училищъ Прилуцкаго уѣзда Бѣлецкимъ-Носенко.

Г. *Дидерихсъ* изложилъ полную превратностей исторію герцогскаго архива въ Митавѣ, заключающаго документы, важные для исторіи Курляндіи временъ герцоговъ, и для исторіи Россіи; многое изъ этого архива погибло, многое разсыяно по архивамъ другихъ вѣдомствъ. Съѣздомъ выражено пожеланіе объ упорядоченіи правительствомъ положенія этого архива.

О положеніи архивовъ, ихъ упорядоченіи, о недостаткѣ ихъ средствъ — были спеціальныя совѣщанія представителей губернскихъ архивныхъ комиссій, подъ предсѣдательствомъ проф. Д. И. Багалѣя. Нѣкоторыя предложенія, какъ результатъ этихъ совѣщаній, были представлены совѣту съѣзда.

Четвертое засѣданіе было посвящено первобытнымъ древностямъ.

Ө. В. *Покровский* говорилъ объ изслѣдованіяхъ кургановъ на литовскихъ-бѣлорусскихъ окраинахъ; проф. В. Б. *Антоновичъ* представилъ попытку группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра; проф. И. Н. *Смирновъ* говорилъ о раскопкахъ Дмитріевскаго могильника Елабужскаго уѣзда, о вещахъ тамъ найденныхъ и высказалъ предположеніе, что онѣ принадлежатъ Массagetамъ.

13 августа въ утреннемъ засѣданіи И. Д. *Крюгеръ* познакомилъ съ нѣкоторыми данными языка, указывающими на вліяніе русскихъ на общественный бытъ лотышей; проф. Е. В. *Пытуховъ* познакомилъ съ нѣкоторыми историческими и литературными памятниками, связанными съ именемъ Успенскаго Псково-Печерскаго монастыря въ XVI и XVII вв.; А. *Берзинъ* — съ трудами по собиранію и изученію лотышскихъ народ-

ныхъ пѣсенъ; *Блокуровъ*—съ новыми документами, касающимися Крижанича, причемъ передалъ in extenso содержаніе неизвѣстнаго доселѣ сочиненія Крижанича „Сербскаго письма“, въ которомъ онъ трактуетъ: о написаніи титула царя въ грамотахъ, о библіотекѣ, о грамматикѣ и лексиконѣ, о Библии и пр.

Во второмъ засѣданіи былъ прочитанъ отчетъ *П. Н. Милюкова* о раскопкахъ Рязанскихъ кургановъ лѣтомъ 1896 г., въ которомъ онъ относитъ послѣдніе къ Кривичамъ; а *А. Черепнинъ* прочелъ рефератъ о рязанско-окскихъ могильникахъ и преимущественно находимыхъ въ нихъ женскихъ украшеніяхъ.

Въ третьемъ засѣданіи *К. Якубовъ* познакомилъ съ неизвѣстнымъ въ нашей литературѣ толкованіемъ слова Ruotsi профессора Крона, по которому Ruotsi (Ruija) есть финскій переводъ имени Норманнъ.

Въ послѣдній день, 14 августа, въ трехъ засѣданіяхъ были прочитаны доклады: проф. *Мѣржвинскимъ*, о священномъ дубѣ въ Ромовѣ, проф. *Маркевичемъ*—о чеканкѣ русскихъ денегъ въ Кокенгузенѣ въ половинѣ XVII в.; *А. Черепнинимъ*—о новыхъ матеріалахъ къ вопросу о связи между денежной и вѣсовой системой, пасторомъ *Биллентейномъ*—о значеніи лотышскихъ народныхъ пѣсенъ для археологій, *В. Сизовымъ*—о характерныхъ чертахъ могильника въ Пасильнѣ, въ Курляндіи и др.

15 августа было общее засѣданіе съѣзда, въ которомъ проф. *Успенскій* представилъ докладъ о Болгаріи въ археологическомъ отношеніи. Въ немъ указано было на желаніе привлеченія ученыхъ силъ въ Болгарію изъ Россіи, на наиболѣе важныя археологическія задачи въ Болгаріи и на замѣчательныя и драгоцѣнныя археологическія сокровища, ожидающія ученыхъ въ Болгаріи. А д-ръ *фонъ-Нотбекъ* сдѣлалъ сообщеніе о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Прибалтійскомъ краѣ.

Послѣ этого предсѣдатель ученаго комитета съѣзда проф. *Ө. И. Успенскій* представилъ отчетъ объ ученой дѣятельности X археологическаго съѣзда въ Ригѣ. Дѣятельность съѣзда продолжалась 15 дней, ученые собранія, посвященные чтенію рефератовъ, происходили въ теченіе 12 дней; всего было 33 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 98 рефератовъ; затѣмъ были охарактеризованы въ общихъ чертахъ засѣданіи съѣзда по отдѣльнымъ специальностямъ. *Ө. И. Успенскій* такъ закончилъ свой отчетъ: „подводя итоги, беру на себя смѣлость утверждать, что X археологическій съѣздъ въ Ригѣ долженъ быть признанъ въполнѣ достигшимъ своей цѣли; дружная серьезная работа, направленная къ разрѣшенію научныхъ проблемъ, выдвинула много важныхъ вопросовъ, которые частію разрѣшены, частію твердо постановлены; своими успѣ-

хомъ настоящій сѣздъ обязанъ какъ прекраснымъ подготовительнымъ работамъ среди мѣстныхъ ученыхъ, такъ и обилію и разнообразію научнаго матеріала, привнесеннаго пріѣзжими членами сѣзда; то и другое, въ соединеніи съ полнымъ довѣріемъ и взаимнымъ уваженіемъ, придало сѣзду цѣльность и стройность, которыми и обусловливается его научный успѣхъ“.

Предсѣдатель сѣзда, графиня *П. С. Уварова* представила вкратцѣ отчетъ о дѣятельности сѣзда вообще и прочитала постановленія сѣзда, касающіяся организаціи дѣлъ архивовъ Прибалтійскаго края, передачи Императорской Археологической комиссіей нѣкоторыхъ вещей музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ найдены, пріятія той же комиссіей мѣръ къ сохраненію древнихъ памятниковъ, увеличенія средствъ и ученаго персонала русскаго археологическаго Института въ Константинополѣ, предоставленія тому же Институту средствъ для изслѣдованія сокровищъ Аѳона, сочувствія предложенію проф. А. С. Будиловича о снаряженіи археологической экспедиціи въ Венгрію; выработки циркулярскаго сообщенія о поддѣлкахъ классическихъ древностей на югѣ Россіи; ходатайства о помощи и субсидіи губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ.

Академикъ *П. А. Лавровскій* обратился затѣмъ къ собранію съ рѣчью, которой объявилъ сѣздъ закрытымъ. Въ этой рѣчи онъ отмѣтилъ характеръ русскихъ археологическихъ сѣздовъ, причины ихъ успѣха, надежды на будущее ихъ процвѣтаніе. „Пожелаемъ же, говорилъ онъ, чтобы наши археологическіе сѣзды продолжали расти и множиться при столь же благопріятныхъ условіяхъ, какъ и по сіе время, и продолжали вносить въ науку археологіи все большіе вклады“...

Пожелаемъ же и мы, въ заключеніе, успѣха будущему XI археологическому сѣзду, который черезъ три года состоится въ Кіевѣ.